

Досуговый центр доктора Рима

Евгения Симакова

Евгения Симакова

Досуговый центр доктора Рима

«Автор»

2023

Симакова Е.

Досуговый центр доктора Рима / Е. Симакова — «Автор», 2023

В Красноярске открывается клиника, где пациентов погружают в жанровые сны. Пока все ищут таблетку от смерти, в Досуговом центре человеку дают ещё одну почти настоящую жизнь. Дэни — один из пациентов центра, неуверенный в себе, но порядочный семьянин, решает бытовые задачи во сне и продолжает бороться с раком, пока его дети Костя и Линда живут своими иногда достаточно запутанными жизнями.

Содержание

1. Денис	5
2. Костя	7
3. Денис	8
4. Линда	10
5. Денис	11
6. Стас	13
7. Денис	14
8. Линда	16
9. Денис	17
10. Линда	19
11. Костя	21
12. Денис	23
13. Линда	26
14. Георгий	28
15. Линда	29
16. Георгий	30
17. Стас	31
18. Костя	32
19. Денис	34
20. Линда	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Евгения Симакова

Досуговый центр доктора Рима

*Книга написана для отца. Его болезнь долго не давала мне покоя,
поэтому она теперь живёт здесь и больше никого не трогает.
Мы со всем справимся и всегда будем вместе,
твоя дочь Женечка.*

1. Денис

Лес сгущается, мы продолжаем идти. В голове играет немного тревожная музыка, вроде той заставки из вчерашнего сериала. Спускаемся с невысокой горки: деревья окружили нас, будто и впрямь затеяли что-то недоброе. Солнце не может просочиться сквозь листву, и всё приобретает тёмно-зелёный цвет.

Моя тёмно-зелёная собака замирает и принюхивается. Мой семилетний сын поводит носом, повторяя за собакой.

– Парни, не пугайте меня.

Даже музыка в голове замирает на мгновение. Костя смеётся: показывает мне свою руку, измазанную этим угрожающим светом, и снова смеётся. Рим виляет хвостом и нетерпеливо ждёт, когда мы снова двинемся в путь. Я мысленно выдыхаю.

– Папа, смотри! – Костя больше не смеётся, он в замешательстве. Я тоже.

Никогда не видел ничего подобного: с десятков разных сумок.

Небольшая поляна посреди леса напоминает музей под открытым небом. Сумки выглядят так, будто их только-только разбросали. Оглядываюсь и ищу хозяев, уже понимая, что это бесполезно. Так бросают вещи, только если случилось неладное.

– Тут есть паспорт, – Костя без зазрения совести уже обшаривает одну из сумок.

– Перестань, сколько раз говорить? Нельзя трогать чужие вещи! Вдруг сейчас вернется их хозяин? – В такие моменты чувствую себя редкостным занудой.

Выдавливаю беззаботную улыбку и ощущаю затылком, как страх подползает ко мне со спины. Вот-вот накроет. Хочется развернуться и убежать, но я стою. Рим оживлённо нюхает каждую из сумок, будто поисковая собака. Давно не видел его таким серьёзным.

– И что? Тут фотография... Имя стёрто! Пап, никто не вернётся за вещами! – Костя бросает паспорт рядом с сумкой и смело вытряхивает на землю всё её содержимое. Нетронутые сумки и стёртая фотография в документе, какого чёрта?

Подхожу к следующей сумке – сразу же вижу набор гуашевых красок. Открываю коробку: все баночки полные, словно только из магазина, достаю синюю – густая, но не засохшая. Нет кистей и бумаги. На чём собирался рисовать этот человек в лесу?

– А в этой сумке гаечные ключи! – Костя чувствует себя как рыба в воде, обшаривая чужие вещи. Интересно, кем он станет, когда вырастет?

Рим скрылся за деревьями. Без собаки чувство опасности становится сильнее. Явного повода переживать пока что нет. Только брошенные сумки со странными и абсолютно не связанными с лесом вещами.

Когда внезапный порыв ветра шелестит листвой, я вздрагиваю. Мне хочется оказаться дома под одеялом. Но если я сейчас именно так и сделаю, то мой сын наверняка вырастет таким же тюфяком, как я. Заведёт собаку и будет бояться каждого шороха.

«Всё в порядке, никакой опасности», – успокаиваю самого себя.

В голове снова играет тревожная музыка, стараюсь её не замечать. Но с триллерами по первому каналу явно пора завязывать.

– Смотри, какой крутой! – сын протягивает мне мягкую игрушку для оценки: нелепый монстр с длинными конечностями. Я сразу понимаю, что этот монстр поедет с нами, ведь Костя ближайшие несколько дней просто не выпустит его из рук.

Ох уж эти его горящие глаза: и как после этого сказать ребёнку «нет»? Мне кажется, что где-то я уже видел этого монстра. Такое ощущение, что подобный остался на прошлой квартире при переезде. Но я не помню, чтобы Костя его так уж любил, иначе мы бы развернули машину и под его фирменные вопли вернулись за игрушкой.

Рим выбегает из леса. Тоже что-то нашёл. Когда он выплёвывает свою находку, меня мутит. Нижняя челюсть! И она явно не принадлежит волку или лисе. Я пару лет не доучился в медицинском. Вот только тут не нужно быть учёным – животным не ставят пломбы.

– Костя, я только что вспомнил, что сегодня футбол, нужно успеть купить чипсов и газировку.

Сын обожает футбол, даже повторы трансляций, и это самый верный способ заманить его домой. У меня нет времени ждать, пока с нами случится ужасное и наши сумки останутся здесь, а моя фотография в паспорте выцветет и никто не узнает, что это был я. А наши челюсти не должны валяться в кустах! Вспоминаю, что нужно записаться к стоматологу. Да, Дэн, самое время.

– А можно монстра забрать? – Костя уже ждёт отказ. Каждый раз я говорю ему, что нельзя подобранные на улице вещи приносить домой. И сейчас, чтобы не чувствовать себя страшным занудой, отвечаю:

– Да, можно, пошли отсюда.

Не быть занудой – это круто. Ещё круче будет, когда мы окажемся дома под одеялом, закинем дурацкого монстра в стирку и будем обсуждать в перерывах между таймами эту странную прогулку.

А Риму я на всякий случай почищу зубы.

2. Костя

Опухоль выросла в голове отца и сначала лишила его возможности переносить громкие звуки. Он начал носить беруши. Потом стало хуже и с остальным: Костя приезжал и видел, как весь дом погружался в темноту, забронированный изнутри плотными шторами. Отец больше не мог без острой боли смотреть на яркий свет. Он выходил на улицу только по вечерам, когда солнце уже зашло.

Боль не давала ему есть и спать, поэтому он скинул около пятнадцати килограммов и превратился в ходячий скелет. При каждом движении его лицо сморщивалось всё сильнее и через несколько недель превратилось в засохшую апельсиновую кожуру с глазками.

Решение было сложным, но Костя отвёз его туда, куда должен был отвезти. Досуговый центр доктора Рима. В этом центре человек продолжал жить и получать питательные вещества, но только выглядела эта жизнь уже по-другому: пациента погружали в истории, их создавали по рассказам близких людей. Это не кома, скорее жанровые сны и особо яркие воспоминания.

Главное, чтобы человеку было знакомо двадцать процентов информации, всё остальное подстраивал его мозг. Костя сам выбрал музыку, на фоне которой происходили остальные действия, взял темы из сериала по первому каналу – его папа так и не смог досмотреть, потому что практически не снимал беруши.

Он любил вспоминать, каким хорошим пацаном Костя был в детстве. Немного поразмыслив, Костя попросил создать историю про своё детство. Жанр? Папа обожал ужасы. У него скопилась целая коллекция ужастиков, записанных на диски. Папа единственный в окружении Кости записывал фильмы на диски, полностью игнорируя Интернет. «Нужно будет обязательно их пересмотреть перед следующим визитом в Досуговый центр», – пролетело в голове у Кости.

Доктор Рим поставил только одно условие перед запуском программы – что-то должно ассоциироваться с его именем, в целях рекламной акции.

– А это ваше настоящее имя? – Косте на самом деле было не особо интересно, он лишь хотел поддержать разговор.

– Дедушка мечтал назвать отца Римом, в честь революции: Революция и Мир! Но отца пронесло, а имя досталось мне. Дедуля до последнего не унимался, мне кажется, даже нарочно дожил до моего появления, – Рим засмеялся, но даже без тени улыбки.

– Я думал в честь города, – замялся Костя.

– Все так думают. Но да ладно, подумайте про рекламу, и начнём.

Костя так и не понял, для кого эта реклама, зато точно понял, что Рим очень любит и свою клинику, и свои изобретения для пациентов. Доктор уверял, что, когда отец погрузится в сон, он практически всё примет за правду, даже если этого никогда не существовало. Рим рассказывал тонкости программы с таким удовольствием, что стало понятно: рекламу он сделал тоже для себя.

Костя вспомнил, что отец всегда хотел завести собаку: мешала только мамина аллергия, а после смерти мамы отец перестал говорить о том, чего хочет.

– Доктор, давайте собаку будут звать Рим.

На экране Костя мог наблюдать движение сюжета и реакции отца в ситуациях, которые он сам же себе и придумывал. Даже доктор сказал, что за отцом наблюдать интереснее, чем за остальными пациентами. Интересно, он всем это говорит?

А Костя смотрел на экран: на себя маленького, на доктора Рима в образе собаки, на отца, гуляющего по лесу. На все эти сумки, баночки, гаечные ключ, на монстра явно нервирующего отца...

И никак не мог понять, как это всё выросло в его голове.

3. Денис

Каждый раз, проходя очередной поворот, я спрашиваю себя, точно ли мы идём той дорогой? Может, мы заблудились и сейчас на нас нападут? Костя прижимает к себе нового мягкого друга, а Рим прижимает уши, будто напроказничал. Наверное, он думает, что виноват в своей находке. Чешу его за ухом, чтобы приободрить. Шерсть такая необычная на ощупь, кусочки грязи и катышки её абсолютно не испортили.

– Хороший пёс! – Стараюсь говорить уверенно, но слышу свой дрожащий голос. Главное без паники.

Перестаю смотреть под ноги, поднимаю голову и вижу нашу красную машину, мне кажется, что стало светлее. Да, действительно, стало светлее без деревьев, именно они всю дорогу нависали и создавали благоприятную атмосферу для моих страхов. Нужно меньше смотреть фильмы ужасов. Сегодня перед сном в последний раз гляну.

Костя радостно запрыгивает на заднее сидение и ждёт обещанных чипсов.

– И газировку! – кричит он, будто читая мои мысли, когда мы подъезжаем к магазину.

Костя удивительный ребёнок – не любит ходить по магазинам. Любит заказать то, чего он хочет, и ждать. А ведь он всегда знает, чего хочет! А вот я не могу этим похвастаться. Минут пять выбираю, с каким вкусом взять чипсы. И как они умудряются продавать столько всего в маленьких придорожных заправках?!

На кассе как обычно набираю жвачек с наклейками. Если я иду в магазин, то без жвачек не возвращаюсь. Костя думает, что нашёл надёжное место для своих наклеек – на внутренней стенке шкафа (снаружи я клеить не разрешил, потому что снова был занудой). Про мебель внутри я не говорил ничего.

Когда сын уходит в школу, я порой захожу в его комнату, открываю шкаф, раздвигаю наскоро развешанные вещи и вижу святая святых – всю его коллекцию. Он даже разделил наклейки на разные категории: в правом верхнем углу породы собак, в левом – машины, а посередине – самолёты с названиями моделей. Нижний ряд сплошь заклеен футболистами, а в единственном свободном углу недавно появилось несколько кораблей. Интересно, как долго он ещё будет их собирать? У меня в детстве была коллекция этикеток от спичек – это сейчас считается коллекцией?

В машине Костя снова говорит, что это не его любимые чипсы. Он всегда так говорит, а я никак не могу угадать его любимый вкус. Это у нас игра такая. Не исключено, что он просто хочет перепробовать все существующие.

Он продолжает выдвигаться ровно до поворота на Красноярск, потом машин становится больше, и они, наконец, занимают всё его внимание.

Дома непривычно тихо – обычно Линда, оставшись одна, включает музыку на всю громкость. И благо у нас свой дом на окраине города, а не квартира, как у большинства, иначе соседи бы нас ненавидели. У Линды сейчас тот самый подростковый возраст. А я вообще никак не привыкну, что у меня есть дочь. Поэтому свой возраст тоже считаю сложным. С сыном мы всегда находим, чем заняться и что посмотреть по телеку, а вот с Линдой не получается беззаботных вечеров.

Я честно пытался наладить контакт с дочкой, но футбол ей неинтересен, на рыбалке её пытаются сожрать комары, как она сама говорит, а чипсы она не ест, потому что: «Фу, это же химия и сплошные углеводы».

С мамой они постоянно шушукуются про школьных подружек и мальчиков. Но когда я её спрашиваю, дружит ли она с кем-то, вижу крайне недовольное лицо, будто мой вопрос неприличный и совсем не в тему. И эта её любимая фраза: «Пап, ну ты опять?». Линда чаще

всего использует только несколько фраз в нашем общении: «Пап, утро добрым не бывает», «Пап, ну это тупо», «Купи что-нибудь сладкое» и «Пап, ну ты опять?».

А с подарками – это вообще катастрофа. Вся купленная одежда идёт в утиль: для Линды она либо слишком детская, либо чересчур розовая. Когда я заранее беру в магазине новую модель телефона, после её дня рождения компания сразу же выпускает новую. Мне понадобилось несколько лет, чтобы понять: они реально выпускают свои телефоны по расписанию в один и тот же день. А деньгами дарить, это значит, что я не заморачиваюсь и вообще сына люблю больше. Это уже реплика Нины, моей жены.

Она почему-то считает, что с Костей мы проводим больше времени и мне плевать на воспитание дочери. А мне не плевать, просто мне с ней сложно и непонятно. А с Костей мы можем часами смотреть мультики или спортивный канал, пинать мяч во дворе, пока гуляем с Римом, ну или съесть по пачке чипсов и не бояться, что это химия.

Пока я разбираю на кухне продукты, а Костя клеит очередную порцию жвачных наклеек в свой шкаф, входная дверь хлопает и на кухню заходит Линда со своим фирменным недовольным лицом.

– Чипсы будешь? Сейчас футбол начнётся. – Говорю я, чтобы хоть что-то сказать, и сразу же об этом жалею.

– Пап, ну ты опять? Про рак желудка вообще ничего не слышал? А футбол тупая игра. Лучше бы морды друг другу били как в боксе, тогда бы посмотрела. – Линда берёт яблоко, я его только что помыл, кусает, и на её лице появляется что-то вроде улыбки. Половина улыбки.

Я всегда стараюсь захватить для неё пару яблок в магазине – дома их больше никто не ест. Да и Линда никогда не признается, что любит яблоки: это даст мне джокер в рукаве.

– Может, тогда бокс посмотрим? – хожу по минному полю, сейчас точно рванёт.

– Пап, ну это тоже тупо, а вот яблоки вкусные. – Линда берёт второе яблоко и отправляется в свою комнату, сразу надевая наушники. У нас действует правило: когда семья находится дома, музыку слушать на всю громкость нельзя. Да, я мистер-зануда.

Но зато я мистер-зануда, который победил: яблоки вкусные.

4. Линда

Когда Линда приезжает в центр доктора Рима, её слышно с порога. Высоченные, громко стучающие каблуки и повседневный недоброжелательный голос:

– В какой палате лежит мой отец? – Линда смотрит на администратора и нервно стучит пальцами по стойке, давая понять, что времени у неё немного.

– Доброе утро, вы к Денису... – Администратор не успевает договорить, зато выдавливает самую дружелюбную улыбку.

– Утро добрым не бывает. Я к отцу. – Линда крутит пальцем в воздухе, стараясь ускорить процесс.

– Ваш отец в сто пятнадцатой, – медсестра старается не затягивать и так неприятный разговор.

Ступени на второй этаж кажутся слишком большими и длинными. Дверь тяжело закрывается за спиной Линды, будто разделяя общую усталость. Садиться на стул не хочется, край кровати выглядит уютнее и теплее.

– Ну как ты, разбойник? – Линда снимает маску суровости и берёт отца за руку. Она всегда мечтала держать его за руку, но у них в семье это было неприятно, а теперь она может это делать, не спрашивая разрешения.

Он ей не отвечает. Как же хочется услышать, что всё у него там хорошо!

Линда, не отпуская его руку, достаёт из сумки яблоко и кладёт на тумбочку.

5. Денис

Перед сном я думаю о том, что наша с Костей команда проиграла, что нужно явно заморочиться, чтобы собрать столько сумок в кучу, и что мой сон стал крепче. Раньше я мог проснуться за ночь несколько раз, постоянно меняя позу, и лежать несколько часов, глядя в потолок, считать звёзды, наклеенные Линдой для мамы.

Линда вообще много чего делает для мамы: собирает на улице букеты цветов, находит камни необычного цвета и причудливой формы, клеит звёзды на потолочную плитку, чтобы маме было не страшно. Костя, в свою очередь, отдаёт мне жвачную наклейку, если такая у него уже есть.

Никто не знает, но звёзды я забрал себе. Я считаю их в такие бессонные ночи, я и сегодня считаю их перед тем, как уснуть. На пятой мне кажется, что подушка стала прохладнее и мягче, будто кто-то включил специальную функцию. На седьмой одеяло обнимает меня уютным коконом. На десятой уже нет необходимости считать.

Раньше мне приходилось вставать на работу, идти в наши старые гаражи и до вечера чинить машины. Понадобилось немало времени, чтобы открыть свой автосалон и руководить процессом из дома.

Мой лучший друг Стас проводит на работе семь дней в неделю. Его жена думает, что я скинул на него всю свою работу и запрещаю уходить домой пораньше даже в выходные. Ей проще верить в такую версию, чем в то, что её муж чувствует себя на работе нужнее, спокойнее и счастливее.

Сегодня ночью он прислал мне сообщение: «Дэн, не успеваю доделать коробку, останусь на ночь». Он всегда называет машины коробками (до сих пор не знаю, почему). Стас думает: я не догадаюсь, что они с Ларисой поцапались. Нина называет её ласково Лорик, Стас сокращает до короткого Ло.

Ло всегда связывает его задержки на работе с изменами. Постоянно твердит, что он не любит ни её, ни детей. Постоянно. А Стас говорит, что если бы Ло не была такой пилой, то мне пришлось бы искать нового работника года.

Я иду в наш автосалон, прихватив кофе.

– Погорячее. – Прошу на кассе, прикидывая, что за пять минут напитки немного остынут, а Стас любит кипяток. – И один покрепче. – Добавляю я, представив, как он там ночевал на этом неудобном диване.

Его длинные ноги вряд ли предназначены для такого спального места. Надо бы купить ему новый диван, раз уж ситуация с Ло не решается.

– Встречай свою заботливую любовницу. – Захожу в сервис и вижу длинные ноги Стаса, торчащие из-под красной, наполовину разобранной машины. Как он может изменять жене, если единственные, с кем он общается – машины и я? Ну, и Глеб, конечно.

– А где, кстати, Глеб? – озвучиваю я свои мысли.

Обожаю за это наш сервис – тут можно говорить всё, что думаешь, ковыряться в машинах, есть еду на заказ и пить по утрам кофе с друзьями. А также искать старого пройдоху Глебку – он вечно куда-то пропадает.

– Опять, наверное, вчера употребил, а сегодня забыл дорогу домой. – Стас вылезает из-под машины весь в свежих чёрных пятнах, усмехаясь сквозь зевоту, и я понимаю, что сегодня ночью он не ложился.

– Дружище, тебе бы отсыпной. – Протягиваю ему стакан, понимаю, что забыл, в каком кофе крепче. – Я сам тут повожусь.

– Ло уехала к маме, поэтому соглашусь. Глеб, кстати, забежал ночью, но явно не ожидал меня тут увидеть. Забрал инструмент и вылетел пулей. Натоптал ещё, пришлось полы мыть. Где он только нашёл столько грязищи? Сумку свою оставил, она на диване если что. – Стас зачёсывает рукой свои взлохмаченные волосы, достаёт из кармана очки.

С сумками у меня теперь не лучшие ассоциации. Стас ещё раз широко зевает, и залпом выпивает весь свой кофе, будто это стакан воды. Мы не прощаемся, потому что оба знаем, что вечером он всё равно придёт в сервис: ещё ни разу он не выдержал сутки дома.

Когда он уходит, подхожу к дивану. Перекладываю сумку – она невероятно тяжелая. Глеб что там, кирпичи таскает? Мы со Стасом подарили ему эту сумку на день рождения вместе с золотой пряжкой. Но пряжка не может столько весить!

Меня подмывает проверить содержимое сумки. Вот только я сам учил сына не лазать по вещам. Тем более, по вещам друга. Хотя... В лесу его это не остановило. Провожу пальцами по внешней стороне сумки, пытаюсь угадать, что внутри. Кожа отдаёт холодом, я автоматически одёргиваю руку. Из бокового кармана выглядывает маленький продолговатый предмет. Закрываю глаза, вытаскиваю практически невесомый пластик – если я не вижу, значит, этого не происходит в действительности. Тем более, вовнутрь я не стал залазить.

Открываю глаза – вижу ручку. На ней надпись: «Досуговый центр доктора Рима». Рим – это моя собака. Забавное совпадение.

Делаю глоток кофе – выплёвываю обратно в кружку. Чертовски крепкий.

6. Стас

Впервые в жизни Стасу отвратительна тишина. Она его старый добрый друг, но сегодня пришла так не вовремя. С Денисом они бок о бок уже лет сто. Обсуждать коробки, футбол и новую игру, вышедшую на приставке, они могли часами. И вот, находясь в одной комнате, один из них непривычно молчит. Глеб обязательно пришёл бы, если бы не пропал много лет назад.

Стас до сих пор может вспомнить противный вкус кофе – это вкус потери. Потери Глеба. Той ночью он видел друга в последний раз. Когда Глеб залетел ночью в гараж, они даже словом не успели перекинуться. Если выпить или съесть что-то накануне плохого события, этот вкус привязывается к несчастью.

– Ты всё ещё переживаешь? – Стас слышит свой голос, и ему хочется забрать слова обратно, но они слишком быстро впитываются в стены. Ему хочется попросить Дениса открыть сумку с пряжкой, а ведь полицейские её так и не нашли... Дэн, ну открой же эту сумку хотя бы во сне!

– А я ведь и правда изменяю Ло. Я не мог тебе этого сказать: боялся, что ты перестанешь приходить ко мне по утрам с кофе. Перестанешь разговаривать со мной, осудишь, и... какая же это всё ерунда! Я должен был тебе сказать. Ты мой единственный друг. На днях моя коробка сломалась. Представляешь? А ведь ты говорил, что нужно её как-нибудь вместе перебрать. – Стас с силой приглаживает волосы пальцами и снимает очки. Он всегда крутит их в руках – так легче сосредоточиться.

– Мне тогда казалось, что с ней ничего никогда не случится. Мне всегда казалось, что с тобой тоже. Её зовут Ли. Представляешь, поменял Ло на Ли. Она обожает машины, мы часто зависаем в старом сервисе, рассказываю ей всякое про нашу дружбу и всё такое, да ты и сам всё знаешь. – Стас надевает очки, и картинка становится чётче. Но он не хочет чётко видеть эту картинку. Он не хочет запоминать палату, мониторы, капельницы и друга, бездвижно лежащего на кровати.

– О, яблоко. Я, кажется, знаю, кто его принёс. Как же она любит яблоки.

Стас кусает яблоко так, будто оно и есть та самая раковая опухоль, забравшая у него Дэна. Яблоко – причина, по которой пропал Глеб. Яблоко – вся боль и всё одиночество, накопившиеся за столько лет. Когда в руках остаётся только небольшой огрызок, Стасу кажется, что от него, в конце концов, останется тоже никому ненужный, успевший почернеть огрызок.

– Да, я всё ещё переживаю.

7. Денис

Как и следовало ожидать, Стас сменил меня ближе к ночи. Глеб так и не объявился. Ну, ничего, завтра придёт и будет смотреть своими виноватыми глазами, как нашкодивший кот. Интересно, он знает, что мы никогда на него всерьёз не злимся? Да потому что всерьёз он никогда нас не подводил. Да, немного лентяй, совсем много раздолбай, но шутки у него смешные.

Работу делает качественно, хоть и в самый последний момент. Но со Стасом они всё равно идеальная команда. Со Стасом вообще хоть кто может быть идеальной командой: он всегда поможет, подправит, подскажет. Ему просто необходим такой, как Глеб: всегда есть, кого научить, немного поругать и похвалить. У нас свои дочери-матери в гараже.

– Папа, а когда мы снова поедem в лес? – Костя вытаскивает меня из мыслей и погружает в реальный мир с голодной собакой, грязными вещами на стиралке и ребёнком, отчаянно желающим гулять. У этого ребёнка в руках ещё одна грязная вещь – плюшевый монстр. И кто придумывает такие дурацкие игрушки? Тот же, кто и сумки разбрасывает по лесу, это же очевидно.

– Давай разделимся: ты гуляешь с Римом, а я занимаюсь стиркой? – предлагаю я недолго думая. Убью двух зайцев – и Костя устанет, и дела будут сделаны.

– А потом поедem в лес? – сын прижимает к себе игрушку и смотрит на меня глазами ребёнка, ив этот момент ему нельзя отказать.

– А потом поедem в лес, – соглашаюсь с уверенностью. Да потому что знаю, что после Рима ни в какой лес он не захочет. – Давай сюда своё чудовище, а то мама убьёт нас, если узнает, что мы притащили его с улицы.

Костя ещё с минуту решает, отдать мне свою игрушку или нет, в итоге неохотно протягивает монстра и зовёт Рима на улицу. Я выдыхаю: ещё одно выигранное сражение с ребёнком. Теперь нужно выиграть сражение с монстром. Закинуть его в машинку или постирать на руках? Монстр, выбирай оружие!

Замачиваю его в тёплой воде с порошком. Начинаю тереть правую лапу, потом левую. Твёрдый сгусток грязи скребёт по руке. Или не грязи... Тогда что это? В лапе зашит твёрдый кусок. На ткани вижу неаккуратные стежки, могу сказать, что шили наспех. Нина, моя жена, часто шьёт, уж я-то знаю, как выглядит идеальный шов.

Насколько ребёнок был бы в шоке по шкале от одного до десяти, если бы увидел, как отец вспарывает его любимую мокрую игрушку первыми попавшимися под руку тупыми ножницами?

– Пап, тебе помочь?

Вздрагиваю от неожиданности. Линда всегда бесшумно подкрадывается сзади и говорит абсолютно бесстрастным голосом. Если Костю можно найти в любом углу дома по топоту и громкому крику, то Линда в прошлой жизни явно служила в разведке.

– Только не рассказывай Косте, – говорит она.

Об этом можно даже не говорить: они с Костей не в самых лучших отношениях. Когда один из них плачет, другой обязательно смеётся. Я, кажется, упустил момент, когда между ними пробежала чёрная кошка. В моей голове это выглядело так, будто Линда стала старше и откололась от нашей семьи, замкнулась и ушла в свой мир с громкой музыкой и рок-звёздами.

Протягиваю дочери синюю бесформенную ткань, обтягивающую поролон, на пол капает вода, и я боюсь, что Линда безжалостно добьёт монстра. Вместо этого она уходит в комнату и через несколько минут возвращается с аккуратно зашитой игрушкой.

– Что было внутри? – стараюсь делать тон менее требовательным.

Линда редко со мной разговаривает, зато, когда её спрашивает Нина – я слышу больше слов за минуту, чем она мне сказала за всю жизнь. Возможно, есть книга, которая учит правильно задавать вопросы своим детям?

– Ничего, – спокойно отвечает дочь и уходит в свою комнату, будто ничего только что не происходило.

А я стою с мокрым монстром над тазиком с водой и понимаю, что это сражение мне никогда не выиграть.

8. Линда

Что, если вашу жизнь запустить на плёнке? Как ощущения? Заставить заново пережить часть своего детства глазами отца – интересный эксперимент.

Линда видит, как отец неловко отвечает ей в своём сне, будто боится каждого сказанного слова. Линда видит, как отец её боится. Ей не кажется, что это круто, ей никогда не казалось, что к их общению можно подобрать прилагательное или наречие. Сейчас ей кажется, что это и общением назвать тяжело.

Отцу она сказала, что в лапе монстра ничего не было. Ей было приятно сначала распарывать любимую игрушку брата, а потом заново сшивать. Костя так и не узнал, что она вытащила маленькую флэшку из его монстра, высушила её на подоконнике за большим денежным деревом и по сей день носит на шее.

Костя никогда этого не узнает, потому что они до сих пор не разговаривают друг с другом.

Линда поняла, что она больше не в команде, когда Костя стал достаточно взрослым, чтобы смотреть с отцом футбол, чтобы пинать во дворе мяч и стрелять из рогатки. Отец нашёл друга в лице сына и так сильно загорелся маленькой копией себя, что перестал обращать внимание на дочь. Скорее всего, в голове отца этот промежуток пролетел, как одно мгновение, но Линда помнит каждый день. Она часто сидела на подоконнике и наблюдала за идиллией во дворе.

Костя знал по именам всех черепашек ниндзя, они с папой даже заказывали пиццу, как в мультике, и использовали палки, как мечи, играя во дворе. Линда не любила ни черепашек, ни пиццу, ни палки. Она перестала любить брата, ведь украл у неё отца. Ситуацию осложнял один факт – Костя абсолютно об этом не догадывался.

Дни для посещения Досугового центра Линда тоже разделила: специально вырвала один листок из своего планера и поставила буквы «К» и «Л», они чередуются через день. Воскресенье – выходной. Теперь Костя приходит в свои дни, а Линда в свои, нет необходимости пересекаться.

Вот только вырванная страница как бельмо в глазу – нужно купить новый планер. Линда записывает очередной пункт в список дел – он не сократится ни к вечеру, ни к концу недели. А завтра будет новый список, ещё больше предыдущего. И так без конца.

Как ни странно, но только тут – у кровати отца, она может отдохнуть. Посмотреть в окно, где ветер заставляет деревья выгнуться, закрыть глаза и подставить лицо, проникающим в палату солнечным лучам. Линде кажется, что сегодня солнце светит ярче обычного. Белые стены успокаивают, хочется принести кровать и тоже лечь рядом, распустив волосы, собранные в тугий хвост. Но ещё рано: слишком много дел.

– Чуть не забыла, – говорит Линда и осекается: она никак не привыкнет, что ей нужно начинать разговор с отцом первой.

И никак не привыкнет к осознанию, что всегда могла это сделать. Ведь отца никто у неё не крал, и он был всё это время рядом. Она сама решила отдалиться. Свободной рукой, достав из сумки яблоко, она думает: «Кто постоянно их забирает? Доктор?» Почерневший огрызок в мусорном ведре говорит о том, что вряд ли это был доктор.

Костя не любит яблоки. Но кто ещё может приходиться к её отцу?

9. Денис

Утром всё кажется немного проще. Утром всегда всё чудесным образом становится лучше. Сейчас позвоню Стасу, чтобы убедиться, что они с Глебом на работе. Несколько пропущенных: Стас всегда на шаг впереди, наверное, хотел сам сказать про Глеба.

– Доброго утрачка! Ну как там, работа кипит? – Стараюсь, чтобы мой голос не звучал так, будто я только что встал с кровати.

Раньше я чувствовал себя неловко, когда мои друзья работали, а я отдыхал, но к хорошему быстро привыкаешь.

– Глеба нигде нет! Я звонил ему со вчерашнего вечера уже сотню раз. Он никогда так надолго не пропадал, – Стас говорит на удивление быстро, его беспокойство тут же передаётся мне.

Перед глазами возникают страшные картины: Глеба сбила машина, когда он навеселе выходил из бара. Или он лежит сейчас дома, потому что поскользнулся в ванной, и никто ему не может помочь, так как он живёт один. Либо он подрался с футбольными фанатами, которых недолюбливает точно так же, как и они его.

– Я был у него дома, он оставил мне ключ на всякий случай. Глеба там нет. – Будто читая мои мысли, Стас отсекает одну из версий. На слове «ключ» он запинается.

Странно, почему Глеб оставил ему ключ на всякий случай? Он считает, что я не такой близкий друг? На какой всякий случай – тоже непонятно. Коты и цветы в его квартире явно не водятся.

– Позвони в участок и скажи, что у нас есть его сумка...

Понимаю, что до приезда сотрудников нужно проверить сумку на наличие всего запрещенного – у каждого свои скелеты в шкафу. Глеб только кажется простым парнем: он не любит распространяться про своё военное прошлое и умеет делать глупый или незаинтересованный вид.

– Сумки нет, я думал, ты её забрал. Участковый начнёт поиски через два дня, у Глеба не лучшая репутация в нашем районе. Я объеду все бары в центре, где он любит выпить. Сможешь сгонять туда, где мы обычно рыбачим?

Стас будет хорошим руководителем, если я пропаду также как Глеб. Теперь плохие мысли залезли и в мою голову: тот самый тёмный лес находится недалеко от нашего места рыбалки. Мы частенько выезжали за город подышать свежим воздухом и послушать тишину. Но сейчас с трудом признаюсь сам себе, что не хочу туда возвращаться. В трубку отвечаю:

– Конечно, смогу.

Когда Костя узнаёт, что ему не нужно идти в школу, потому что мы с ним едем на рыбалку, он в красках представляет, как одноклассники лопнут от зависти, когда узнают.

– Только в школе об этом никому, а то больше не отпустят. Пусть учительница думает, что у тебя действительно температура, – говорю я на всякий случай.

Один раз я уже отпросил сына с уроков, и мы поехали в аквапарк. Когда на следующий день он рассказал об этой поездке всем друзьям, мне позвонила его классная. Я не придумал ничего лучше, чем сказать: «А что, это разве не уважительная причина?».

После этого случая меня считают немного с прибабахом. Но есть и свои плюсы: не дёргают по мелочам, не заставляют в срочном порядке вступать в родительские группы и участвовать в обсуждении школьной формы и выбирать цвет занавесок в классе. Не люблю бесцельный трép, предоставляю такую бесценную возможность Нине. Она всегда знает, кому и что сказать. Думаю, что её тоже считают не совсем нормальной, раз уж она живёт со мной...

– Луча поедет с нами! – кричит Костя и убегает в свою комнату, чтобы собрать вещи.

– Куртку не забудь! – напоминаю я, как приличный отец.

Вот только я часто не понимаю, о чём говорит мой ребёнок, и чувствую себя умственно отсталым: из-за этого некоторые фразы стараюсь не переспрашивать. С женой я чувствую себя таким ещё чаще, поэтому просто киваю на, как мне кажется, безобидные реплики.

– Я сейчас чего-то не поняла. – Линда входит на кухню со своим обычным выражением лица, то есть с крайне недовольным. – А меня со школы отпросить никто не забыл?

– Костя температурит. – Пытаюсь протолкнуть оригинальную версию. Отмазываюсь перед своей же дочерью. И кто тут из нас родитель?

– Ага, в обнимку с удочками. Пусть расскажет это своей училке. Я тоже не иду в школу. – Линда демонстративно бросает рюкзак в кресло и уходит в свою комнату.

Ну, и что я скажу Нине? Что сына я забрал со школы на рыбалку, а Линду оставил дома, потому что так будет честно? А ещё у меня пропал друг (по совместительству работник авто-сервиса), и у меня нет времени на все эти объяснения.

– Ну что, поехали? – Линда выходит в рваных джинсах и в своей любимой синей куртке.

В школу она никогда её не надевает: носит только по выходным. Без школьной формы Линда выглядит старше своих лет. И сегодня кажется особенно расстроенной: с припухшими веками и полным отсутствием косметики. Но я никогда не спрошу, плакала ли она. Линда ни за что в подобном не сознается. Видимо, я впервые случайно смог вытащить дочь на прогулку?

Костя вываливается из кладовки в болотных сапогах и с удочками наперевес. Ну и конспиратор! Линда нетерпеливо стучит пальцами по дверной ручке. Я сразу же понимаю, что она торопится скорее уехать из дома. Просто так эта девочка даже пальцем не пошевелит – с моей дочкой явно происходит какая-то ерунда.

10. Линда

Воскресенье может быть двух видов: либо внезапная поездка с любимым человеком на Столбы для прогулки среди гор и ужина в красивейшем ресторане на другом конце города, либо серое и абсолютно бессмысленное – в компании мелодрам и бутылки вина. Линда достаёт бутылку вина, ищет фильм на вечер и выбирает бокал побольше.

«Сегодня не смогу, заеду завтра после работы. Целую», – она готова прочитать это сообщение ещё полсотни раз, и мысленно умолять, чтобы ниже пришло ещё одно, где он напишет, что сможет. Сможет приехать, сможет уйти от своей жены, сможет избавить её от бессмысленности происходящего.

Линда понимает, что влюбиться в женатого – означает выкинуть своё сердце на заброшенный вокзал. Там поезда не приходят в обещанное время. Там вообще не ходят поезда. И её сердце сидит на одной из холодных лавок, смотрит на часы и понимает, что ничего не происходит. От этого оно становится чёрствым и сжимается, а заслышав звук поезда, покрывается льдом. Когда-нибудь сердце разобьётся о первый попавшийся поезд. Когда-нибудь Линда поймёт, что она и есть тот самый поезд, в который нужно посадить сердце и увезти подальше от этого вокзала.

Интересно, что бы сказал папа? Линда понимает, что не знает о своём отце ничего. Смог бы он защитить её, объяснить, что нужно делать в такой ситуации? Изменял ли он маме? А если изменял, то было ли ему стыдно?

Линда оставляет неоткрытую бутылку на столе, выбирает самые высокие каблуки, ярко красит губы, завязывает волосы в высокий хвост, садится за руль и едет в центр доктора Рима. Сегодня воскресенье, а значит, Кости там быть не должно: она ведь составила расписание и все должны его придерживаться. Линда напрасно проверяет телефон: там нет новых сообщений. Она решает, что на обратном пути нужно будет заехать за второй бутылкой вина.

В палате Линда чувствует себя в безопасности: она снимает каблуки, и ноги тянутся к невесомым одноразовым тапочкам, администратор выдаёт их на входе. Даже администратор такого странного места понимает, что невозможно быть постоянно на высоте, и, что даже самым железным леди иногда нужна передышка.

Отец смотрит один и тот же сон уже несколько недель. Его мозг отказывается обрабатывать информацию быстрее. Он слабеет из-за опухоли. Линда перематывает на начало. Она всегда перематывает на начало, боясь, что могла упустить важные мелочи.

Отвлечься от реальной жизни и вернуться в детство, вспомнить, как жили все вместе, когда мама была жива.

Отец всюду старается добавить образ мамы. В одном варианте сна она есть, в другом – нет. Её не стало раньше, он всё ещё не хочет в это верить. Родной образ рано или поздно проходит через каждый сон. И Линда мысленно благодарит отца. Мама как привидение, как фон его жизни. Линда тоже очень скучает по матери.

Она хорошо помнит тот день, когда поехала с отцом и Костей на рыбалку. Это был особенный день – день рождения её любимого человека, её туда не позвали. Она приготовила альбом с их общими фотографиями, сшила подушку и вышила его имя в правом нижнем углу. Она планировала прогулять школу. Утром он написал, что появились срочные дела по работе, и больше не отвечал на сообщения. У него часто появлялись срочные дела по работе, и это сводило Линду с ума.

Она не могла поделиться своими переживаниями с подругами, потому что их не было. Маме сказать она тоже не могла, потому что знала: маму обязательно насторожит возраст

парня. Отец... он бы и вовсе не понял – в лучшем случае. В худшем – даже не хочется представлять.

– Привет!

Дверь за спиной Линды хлопает, и она отдёргивает руку. Ей странно делать вид, будто всё это время она не держала запястье отца. Когда под пальцами пульсирует жизнь, становится спокойнее. Кажется, отец пытается сказать этими ударами что-то важное.

– Я уже уйду! – Линда подсакивает и чувствует себя крайне неловко в одноразовых тапочках, она торопится сменить их на туфли. Без каблуков она чувствует себя уязвимой и слабой.

– Мы можем вместе посмотреть, что ему приснилось. – Костя наступает на минное поле и сразу же взрывается на словах:

– Я уже посмотрела, воскресенье – выходной, я помню, – говорит Линда полушёпотом.

Она бежит, но не понимает, куда или от кого. Почему Костя приехал в воскресенье? Почему она нарушила своё же правило? И есть ли смысл в этих правилах?

Им с братом больше не за что бороться. Тем более всю жизнь борется только она.

Стук каблуков по лестничным ступеням отдаётся болью в голове. Ей хочется обнять близкого человека, но отец в режиме ожидания смерти, а у любимого мужчины другая семья, ему снова не до неё. Дома никто не ждёт. Определенно нужно ехать в магазин.

В машине Линда понимает, что забыла выложить из сумки яблоко.

11. Костя

Костя просыпается в воскресенье под звуки суеты на кухне. Обычно завтрак готовил он: несколько яиц и тосты с арахисовым маслом. Теперь каждый день его будит запах кофе и жужжание миксера: Маришка встаёт пораньше, заводит тесто на блины, либо печёт булочки с сыром. Токсикоз не даёт ей понежиться в кровати подольше.

Она уверяет, что запах теста успокаивает тошноту и ей становится легче. Теперь вес они набирают вместе: вот только Марина родит ребёнка, а Косте придётся покупать абонемент в фитнес-центр.

– Когда ты познакомишь меня со своим папой? – Марина уже научилась печь блины как настоящий профессионал и даже не смотрит на сковороду, когда их необходимо перевернуть.

Костя хочет сказать ей правду, но вместо этого получается:

– Думаю, на следующей неделе ему станет лучше, и мы его навестим.

Почему ложь так ловко наслаивается на другую ложь? Почему каждый раз он старается сделать как лучше, а получается как всегда?

Костя боится, что Марина не поймёт, почему он поместил отца в центр доктора Рима. Она так много раз говорила, что люди издеваются над своими родственниками, искусственно сохраняя им жизнь, что нет ничего хорошего в том, чтобы лежать овощем на кровати и не иметь возможности встать. Костя не хочет, чтобы жена считала его плохим человеком, но он очень хочет познакомить её со своей семьёй.

Про сестру он тоже ничего не мог сказать: постоянно задерживается на работе – универсальный ответ. Марина всегда всех понимала, поэтому просто кивала головой и делала грустные глаза. Костя и сам не понимал, почему ему так стыдно рассказать правду.

Он не знает, по каким дням в палату приходит Линда, они, не сговариваясь, выбирают разное время. Периодически он замечает яблоко, оставленное на тумбочке.

После завтрака Костя надевает свой спортивный костюм, только он помогает сохранить желание заняться спортом, и едет в Досуговый центр, чтобы спросить врачей, можно ли на несколько дней вернуть отца в реальный мир.

Костя заходит в палату и с минуту наблюдает, как его сестра сидит на кровати в белых тонких тапочках, держит отца за запястье и выглядит совсем беззащитной. Неужели это та самая бойкая девчонка, которой палец в рот не клади?

Косте хочется подойти и обнять её опущенные плечи, погладить по рыжим волосам (во сколько лет она начала краситься и какой её натуральный цвет?), сказать, что скоро у него родится сын, что произошло столько всего. Ему хочется спросить, чем живёт Линда, кто готовит ей дома завтрак, хочет ли она прийти к ним в гости? И самое главное: Маришка приготовит пирог с яблоками.

– Привет, – вместо этого говорит Костя, специально закрывая дверь с хлопком.

Он предлагает Линде посмотреть глазами отца их детство. А ведь мог бы придумать что-то получше! Линда говорит, что сегодня выходной. Костя знает, что сегодня выходной, и не понимает, что с того? Когда сестра буквально выбегает из палаты, он смотрит ей вслед, хотя на языке вертится столько несказанных слов.

После ухода Линды он идёт разговаривать с врачом. Доктор Рим объясняет, что отключать человека от снов, во-первых, очень опасно, во-вторых, конкретно его отца – смертельно. Минут через десять после того, как он очнётся, вместо сна придёт боль. Ему сделают укол, и он умрёт уже насовсем. Костя не готов к такому раскладу. К тому же, в бланке согласия на процедуру нужны подписи двух родственников. Линда такое не подпишет. Костя тоже.

– Ваша сестра, кажется, оставила вам записку. – Доктор Рим смотрит уставшими глазами, Костя видит в них своё отражение. Доктору Риму пора отдохнуть.

Записка – это расписание. Дата двухнедельной давности. Его дни – понедельник, среда и пятница. Почему доктор Рим так долго держал записку у себя? Неужели хотел таким образом их помирить? Вряд ли.

Воскресенье – выходной.

Вот про какой выходной говорила Линда.

12. Денис

В машине так тихо, что слышно шум колёс и сигнал светофора, который помогает слабовидящим пешеходам перейти дорогу.

– Вообще-то рыбалка – это мужское занятие. – Костя всегда считал, что мама общается с Линдой, потому что у женщин свои женские дела, а у них с папой серьёзные и мужские.

Я сам виноват: когда разделение труда вступало в силу, девочки отправлялись на кухню, а мальчики чинили старый шкаф или шли разбирать балкон. Ну, и какой адекватный ребёнок захочет разбирать балкон? В таких случаях я всегда говорил: «Костик, иди сюда, сейчас мы займёмся по-настоящему интересным делом! Хочешь, покажу тебе ружьё? Надо только добраться до него через весь этот мусор на балконе». Косте было важно, что у нас есть свои секреты и свои мужские дела без мамы и Линды. А я радовался каждой возможности увлечь сына.

– Вообще-то рыбалка – это тупо. Я не собираюсь сидеть весь день на одном месте и смотреть на воду, – Линда как обычно передразнивает брата, а я думаю, что лучше было, когда мы все ехали молча.

– Тупо говорить «тупо»! – Костя сжимает своего монстра крепко, будто боится, что тот убежит и оставит его одного.

– Тупо ездить с мягкой игрушкой, когда называешь себя мужиком! – Линда чувствует, как именно нужно надавить на больное.

Она всегда подмечает слабые места, и знает, по каким лучше ударить. Особенно, когда сама чувствует себя уязвимой. Бьёт один раз, но с такой силой, чтобы бить больше не пришлось.

У Кости трясётся нижняя губа, и, если он сейчас заплачет, это будет официальное поражение. Замечаю, что неосознанно болею за сына. «Пожалуйста, только не заплачь, я куплю тебе все жвачки в мире», – думаю про себя. Мне кажется, если сломается Костя —я тоже сломаюсь.

– Мы оставим машину здесь и немного пройдемся пешком. Линда, когда ты вырастешь, обязательно поймешь, что брат – это здорово. – Стараюсь немедленно взять ситуацию в свои руки, не подорваться на минах, которые расставляет моя дочь и не оставить сына в беде. Но Костя всем видом показывает, что он обижен: демонстративно берёт монстра и вылезает из машины.

– Когда я вырасту, постараюсь вообще его больше никогда не видеть. – Линда отворачивается в сторону реки, обозначая, что говорить она больше не собирается.

– Её просто парень не любит, поэтому она такая злая. Он написал, что сегодня не хочет её видеть, – Костя закусывает губу. Он всегда закусывает губу, когда понимает, что сказал лишнее.

Из этого следует, что у Линды есть парень, и, что Костя шарится в её телефоне. Непонятно, что хуже. Слезы предательски выкатываются из его глаз, делаю вид, что не заметил.

Я не успеваю сказать ничего поучительного по поводу телефона, успеваю только удивиться, как Костя приберёт такое оружие. Он мог растоптать свою сестру здесь и сейчас. Мне и не нужно говорить ему, что брать чужие вещи нехорошо: он сам всё знает. Костя пытается хоть так участвовать в жизни своей сестры. Я так боюсь, что он всю жизнь будет искать к ней подход, как делаю это я. Надеюсь, что хоть один из нас в этом преуспеет.

Около берега реки я делаю глубокий вдох. Костя уже всюду занимается своей удочкой, Линда ищет красивый камень, чтобы привезти его маме. А я так и не придумал, как объясню Нине нашу внезапную поездку.

«Дорогая, я боюсь этого зловещего леса, поэтому ещё и детей с собой прихватил?»

Отец года.

– Я схожу, соберу дров, разожжём костёр, сосиски пожарим, – оправдываюсь перед своими детьми перед тем как пойти за дровами.

Направляюсь к лесу и через некоторое время слышу шелест шагов сзади, мне становится не по себе. Может быть Глеб так и пропал? Может быть в этом странном лесу постоянно пропадают люди, орудуют маньяки и психи, отбирают сумки, а тела сжигают или топят в реке? В новостях недавно показывали, что у сумасшедших началось обострение. Ускоряюсь и не оборачиваюсь, шаги сзади переходят на бег.

– Пап, ну ты нормальный? – Линда обгоняет меня.

Не знаю, что в этот момент в её голове. Не знаю, что в этот момент в голове у меня. Я оглядываюсь по сторонам: вокруг только тёмно-зелёный лес: он смыкается над нашими головами. Мне хочется вернуться к реке и подышать. Тревога не пошла на спад, когда я увидел Линду, она усилилась. Что, если мы оба в опасности?

– А ты почему не осталась с Костей? – спрашиваю так, будто ничего не произошло.

Но на самом деле у меня нет оправданий: я только что убежал от собственной дочери и с горем пополам стараюсь сохранять спокойный вид. Собираю сухие ветки, чтобы показать, что всё так и задумано.

– С ним остался Луча. А почему мы не взяли с собой Рима?

Тут я понимаю, что Луча – это имя монстра и даже Линда в курсе, как его зовут. Странно, что она к этому почти нормально относится. Вот только не знаю, как объяснить, что я забыл про Рима. Наверное, он спал в углу одной из комнат. Хотя он всегда провожает нас, либо едет с нами. Я просто много думал про Глеб, вот и забыл! Этими мыслями успокаиваю сам себя.

– Боюсь, что он нахватает клещей, тогда нам придётся ехать в клинику для собак, ставить уколы, – придумываю на ходу правдоподобную версию и понимаю, что мы разговариваем. Мы с Линдой говорим о всяком, и ведь это оказалось не так трудно! Почему мы раньше не разговаривали о всякой ерунде?

Дорога кажется достаточно знакомой, будто недавно я уже ходил по ней. Дерево с двумя стволами, поляна, сумки. Музей под открытым небом, снова мы тут. Если бы Костя был тут – он бы снова радостно залез в ближайшую сумку.

– Пап, а ты куда нас привёл? – Линда думает, что это было спланировано. Я думаю, что нужно развернуться и уйти.

Сумок стало больше. Золотая пряжка со львом отражает листья, и она определенно сделана на заказ. Это сумка Глеба.

– Нам нужно кое-что проверить, только не рассказывай Косте, – на всякий случай озвучиваю я и чувствую, что Линда это ценит.

Если Костя узнает, что мы были на поляне с сумками без него – мне конец. У нас с Линдой появляется очередная тайна: ещё парочка таких секретов от Кости, и мы можем стать друзьями. Линда поправляет на шее кулон и прячет его под кофту. Наверное, Нина купила очередную безделушку.

– Что это за вещи? Где все эти люди?

Вокруг становится почти темно. Мы находимся под куполом, я чувствую пульсацию в горле, будто подавился собственным сердцем.

– Нам нужна только одна сумка, остальные тоже заберут, это такая игра. Знаешь, автомобильный квест? – говорю я первое, что приходит в голову.

Линда приподнимает брови, и определённо мне верит. Где я научился нести всякий правдоподобный бред? Я готов сделать сальто. Но не умею.

– Не думала, что ты вообще про такое знаешь. Круто! Что нам нужно найти? Где карта? – Линда оживлённо ходит вокруг сумок, не прикасаясь ни к одной, осматривает территорию.

Она подозрительно много знает о подобных мероприятиях. Я, конечно, в курсе про её любовь к машинам, но на авто-квест вряд ли бы отпустил. Но, зная Линду, могу с уверенностью сказать: она вряд ли спрашивала бы разрешение.

– Нам не нужна карта, нам просто нужно забрать нашу сумку. – Берусь за кожаные ручки, и понимаю, что не могу её поднять. Глеб, чёрт бы тебя побрал! И сумку твою! И лес этот!

Голова сильно кружится. Издалека доносится взволнованный голос:

– Пап, пошли к реке, дай мне руку.

13. Линда

Они ужинают в самом красивом ресторане в городе. И окна можно увидеть замечательный вид на ночной Красноярск и местный Биг Бен. Линда не любит часы: ей всегда мало времени. Когда Стас приезжает, она знает заранее: у них не более двух часов. Изредка он приезжает на пять часов, тогда приходится с грустью отмерять каждый час.

Почему нельзя разбить все часы в городе? И Биг Бен, и эти его дорожные часы – подарок жены. Зачем он надел их сегодня? Ещё раз напомнить, что свой день рождения он провёл с семьёй? Линда представляет, как жена дарит маленькую коробочку, а Стас прижимает жену к себе и благодарно целует в щеку.

Линда не рассказывает о том, что встретила в центре с братом, она не рассказывает о том, что нарушила своё же правило, приехав в воскресенье. Она также молчит о том, что уже ненавидит его часы. Она молчит, но больше всего на свете ей хочется закричать. Закричать и проснуться. А ещё, чтобы время остановилось.

– Мне нужно тебе кое-что сказать. – Его голос кажется таким далёким, но всё ещё родным.

Глаза нисколько не изменились с их первой встречи, через стёкла очков они кажутся чуть больше. И смотрят с такой же заботой и нежностью. Но только теперь этого мало. Как долго придётся терпеть все эти бесконечные разговоры? Сколько праздников ещё нужно справить в одиночестве? За все эти годы накопилась обида, размером с океан: огромный, шумный, разбивающийся обо всех, кто к нему подходит. Линда тоже готова разбиться обо всех, кто к ней подойдёт.

– Хочешь уйти от меня? – Линда думает, что Стас специально надел часы, чтобы всё стало понятно без слов.

Линда чувствует, как время тонкой струйкой песка утекает, пока она продолжает сидеть в ресторане. Продолжает сидеть и накручивать – а что ещё ей остаётся? Жить в постоянной неопределённости и страхе потерять. А ведь она и без того постоянно теряет Стаса, каждый божий день. Каждый раз, когда он уходит к своей настоящей семье – она его теряет. Она так скоро потеряет и себя тоже.

– Нет, другое, – Стас говорит спокойно.

Иногда кажется, что его невозможно вывести из равновесия. Но его руки говорят больше, чем нужно. Он и правда не на шутку разволновался.

Как же Линде хочется взять, бегающие по столу, пальцы в свою руку, чтобы они остановились. Чтобы остановиться вместе с ними. Как же хочется взять его всего себе.

– Неужели решил бросить свою жену? – Линда делает акцент на слове «свою».

Она сама хочет принадлежать ему. Сколько можно быть на втором месте?

Линде не нравится, что у него есть вторая жизнь. Вторая женщина. Она быстро допивает стакан с водой, но во рту сухо как при сильнейшем похмелье. Зачем он бежит из одного дома в другой и никак не найдёт покоя? А как Линде найти покой, если всё постоянно в подвешенном состоянии? Как ей найти покой, если сердце укутывают в тёплое одеяло на несколько часов, а потом оставляют нагишом на морозе. Попробуй, выживи.

– Нет, я хотел поговорить о твоём...

Линда встаёт и надевает пальто. Дома у неё висит синяя куртка, похожая на потерянную в детстве, в тот день они ездили на рыбалку с отцом. Ей хочется надеть эту куртку и устроить себе выходной. Выходной от вокзала, выходной от вечной зимы.

Линда никогда не позволяла себе уходить посреди разговора. Она не хочет больше оставлять своё сердце и ждать, пока его укроют. Ей неважно, о чём Стас хочет поговорить. Её любимый человек принадлежит другой женщине, а Линда не принадлежит никому. Если бы она

могла сейчас хоть кому-то позвонить, она бы плакала в трубку. Она бы кричала, била по приборной панели и выпускала злость. Если бы она могла... Линда никогда не плакала в телефонную трубку.

Ехать за рулём, давясь слезами – плохая идея. Как же долго она привыкала водить машину на каблуках. Стас за ней не пошёл, значит, нет ничего важнее, чем уехать отсюда.

Нет ничего важнее педали газа. Нет ничего важнее пустоты, съедающей изнутри. Линда чувствует, как её сердце не доходит до поезда и падает на рельсы. Она чувствует, как всё внутри разбивается на маленькие кусочки. Внутри происходит страшное – снаружи тоже.

Линда никогда до этого не попадала в аварию.

14. Георгий

– Да. Я буду через десять минут, всё мы успеем.

Георгий опаздывает больше, чем на час; все его друзья знают, что он придет последним, но всё равно продолжают названивать каждые пятнадцать минут.

Кожаная куртка после тренировки кажется тесной, Георгий расстёгивает её и выпивает залпом полбутылки воды. Хорошо, что в машине всегда лежит полная бутылка на всякий случай. Он надевает солнечные очки и чувствует себя свободным и счастливым. Прикуривает сигарету и не чувствует вкуса. Друзья по команде удивляются, когда после плотной тренировки Георгий выходит на улицу и первым делом достаёт сигарету. Все только дыхание с горем пополам восстановили, а он уже курит.

«Надо по пути ещё заехать за кофе», – думает он.

Телефон снова звонит. Георгий не обращает на него внимание. А какой в этом смысл? Если торопить человека подобным образом, можно получить разве что обратный эффект. На рингтоне хорошая песня: они с другом однажды затеяли в баре драку под неё. Хороший был вечерок!

Георгий тушит окурок в машинной пепельнице и выжимает педаль газа на трассе, но не потому что опаздывает, а потому что любит скорость. Машину он чувствует, как свою третью руку. Машина безопаснее и комфортнее, чем любой другой транспорт. Георгий любит держать ситуацию в своих руках. То же самое он чувствует на льду, получая шайбу – контроль. Разгоняясь на коньках, он хочет остаться в скорости, застрять в моменте.

«Если бы можно было останавливать время», – думает Георгий, проводя рукой по щетине.

«Надо побриться», – последние мысли перед тем, как ему придётся резко выкрутить руль.

Красная ауди вылетает навстречу так стремительно, что на раздумья остаётся меньше трёх секунд. Обычно именно столько хватает хорошему водителю, чтобы избежать любой аварии. Георгий жмёт тормоз и берёт левее, ауди пролетает в сантиметре. Главное, на полной скорости не съезжать на обочину – занесёт.

В зеркало заднего вида Георгий видит, как ауди зарывается в огромную гору песка, сваленную на обочине. Эту гору специально отсыпали, чтобы спасти неопытного водителя? Таких гор несколько, они и правда гасят скорость лучше любого столба. И безопаснее. Возможно, в машине даже кто-то остался жив.

Георгий достаёт аптечку, ставит свою машину на аварийку, по пути сбрасывает звонок друга и набирает телефон скорой помощи.

15. Линда

Линда открывает глаза. Ей кажется, что она в белом платье. Во сне она выходила замуж за мужчину и видела его впервые. Он нёс её на руках. Корсет сдавливал грудную клетку, Линда не могла дышать. Туфли были безумно неудобными и не по размеру. Ноги онемели, воздух перестал попадать в лёгкие. Когда мужчина поднял её над землёй, Линда задышала и заплакала от счастья.

Потом ей кажется, что она в палате отца. Вокруг светлые стены, деревья стучат в окно, голова откликается болью на каждый удар веток. Или сердца. Пахнет спиртом и чем-то горелым.

Манная каша? Линда терпеть не может каши. Она пытается сесть, но лучше бы этого не делала. Сгустки боли взрываются в каждой части её тела, кроме ног. Тело в синяках и ссадинах, на левую руку, похоже, наложили гипс. Правая рука слабая, будто на ней лежало по меньшей мере килограммов сто. Кулак сжимается, и по спине разбегаются мурашки. Когда одеяло оказывается в стороне, в горле застревает крик, Линда кашляет. Кашель разносит боль по всему телу. Кроме ног.

– Очнулась, умница. Парнишка твой уехал вчера, не дождался. – Медсестра бежит по палате, поправляет шторы, забирает нетронутую манную кашу.

«Бутафория, а не еда», – думает Линда, кривясь от боли.

– Я тебе попозже борща принесу, уже начали варить. Тебе сейчас силы нужны.

Линда готова обнять добродушную женщину, но вместо этого продолжает лежать. Она не помнит, чтобы с ней в машине был её парень. Она помнит тот вечер отчётливее, чем хотелось бы. Она помнит всё, но не помнит, как попала в больницу. Наверное, Стас всё-таки поехал следом, потому что переживал. Эта мысль согревает сердце. Линда не хочет, чтобы мысли о нём согревали, она хочет, чтобы он сидел возле её кровати и держал за руку.

– Он забыл свои очки, обещал заехать. – Медсестра кладёт на тумбочку солнечные очки.

Линда знает, что её парень не носит солнечные очки.

Значит, в больницу её привез другой человек.

Она ждёт этого человека до вечера. Она ждёт хоть какого-нибудь человека до вечера, не решаясь спрашивать, что у неё с ногами. И так понятно, что всё плохо.

Всё становится ещё хуже, когда к ней абсолютно никто не приезжает.

Всю неделю Линде запрещают вставать с кровати. Чувствительность возвращается по сантиметру, но это приносит больше боли, чем радости. Ей приходится ходить в туалет в мешочек, он висит возле кровати. И становится не по себе, когда его слишком долго не меняют. В такие моменты Линда рада, что никто не приезжает.

Каждое утро доктор делает обход, выписывает конскую дозу обезболивающего и говорит, что ещё немножко – и она у него бегать будет. Линда не верит ни одному слову. Ей невыносимо больно даже пальцами шевелить. Зато она может сама себя кормить – это единственное, что она делает сама, помимо чтения книг.

В один пасмурный день Линда не выдерживает и спрашивает медсестру о том, как выглядел человек, во сколько он её привёз и почему он не оставил своих контактов. Да, она подписала бумаги, что сама не справилась с управлением, и что кроме неё никого в машине не было, но это не повод не искать человека, который держал её, всю переломанную, на руках. Или всё-таки повод?

16. Георгий

Телефон Линды в первый день после аварии разрывается от звонков. Линда их не слышит, потому что телефон остался в покорёженной машине. Когда Георгий сидит на водительском сидении, выставив ноги на улицу, и ждёт инспектора, он слышит звонок.

Повернувшись на звук, он видит, как на экране высвечивается «Любимый». Георгий не собирается брать трубку, чтобы не вводить парня в ступор. Любимым людям звонят из больницы – и они приезжают, чтобы держать за руку и говорить слова поддержки. Георгий делает вывод, что он лишний в этой истории. Пусть доктора сообщают неприятные новости.

Его никогда не раздражали звуки звонков, но этот почему-то раздражает. Он переводит телефон в режим вибрации и кидает в сторону пассажирского сидения.

Пожилый инспектор довольно быстро оформляет все бумаги, некоторые из них даёт подписать Георгию. Заплатив сумму большую, чем стоит вызов, Георгий просит инспектора не связываться с владелицей. Он поясняет, что у его подруги и так сильный стресс из-за аварии на пустом месте. Инспектор пересчитывает купюры и говорит:

– Я вам верю.

Судя по его спокойному лицу, он часто верит в чужие стрессы. Георгий вызывает эвакуатор и контролирует доставку машину к знакомым в автосервис. Он в двух словах объясняет ситуацию и оставляет номер «любимого». Георгий не понимает, почему ему так грустно. Он заезжает в первый попавшийся бар, не перезванивает друзьям и уезжает домой только под утро. Алкоголь его давно уже не берёт.

В голове не укладывается, что он сегодня спас человека, хотя спасти людей ему уже приходилось. По ходу дела судьба у него такая. Георгий трогает языком губы, они занемели от холода. Ещё рано ходить в одной футболке по улице. Куртку он наверняка оставил в своей машине. Но всё, что нас не убивает – нас не убивает. Он всегда так говорил: когда выбил шайбой передний зуб, когда упал с огромной высоты и чудом остался жив, когда нёс на руках Линду, понимая, что держит в руках своё будущее счастье, а потом увидел на экране телефона надпись «любимый».

Уже в кровати он вспоминает, что не курил сегодня с того самого момента как произошла авария. Он всегда знал, что курение – это психологическая зависимость. Давно пора бросить – вот только ради чего?

17. Стас

Когда звонит товарищ, чтобы узнать у Стаса про запчасти от красной ауди года рождения его второй дочери, ему становится не по себе. Когда товарищ говорит, что её привезли в непригодном состоянии, Стаса накрывает волна паники. Товарищ говорит, что машина человеку ещё долго не понадобится.

Стас советует знакомого оптовика, тот по дружбе за копейки продаст всё, что нужно. В голове появляются одна за другой картины страшной аварии. А если с Линдой действительно случилась беда? Почему ему никто не позвонил, почему она не позвонила? Он не является близким родственником. По факту – он для Линды вообще никто. Весь их романтический мир только в его голове.

Вчера, когда они с Ларисой ужинали, на телефоне уже были пропущенные. Стас никогда не берёт трубку за столом, иначе скандала не избежать. Вопросы в стиле «Кто звонил и почему так поздно?» аппетита не прибавляют. Обычно всё продолжается придирками по поводу его работы по вечерам и выходным, обвинениями в холодном отношении к семье, и пошло-поехало...

Единственное, что Стас может вставить в разгар ссоры:

– Ло, ты снова начинаешь?

После этого он садится в свою коробку и уезжает в гараж. Там его никто не трогает и не пилит. Работа позволяет отвлечься от тревожных мыслей.

Перезванивать на пропущенные звонки он зачастую забывает.

Товарищ из автосервиса говорит, что ребята не могут дозвониться хозяину. Стас переспрашивает. Они сделали вывод, что хозяин именно мужчина, потому что на кресле осталась кожаная куртка довольно больших размеров. Стас наконец может дышать – это не машина Линды.

Он не спрашивает номер машины, советует позвонить хозяину через недельку, когда он немного придет в себя. Стасу хватает информации о чёрной куртке, он цепляется за неё так крепко, что, положив трубку, убеждает сам себя: Линда обиделась и сняла комнату в отеле, чтобы он не нашёл её дома. Она ведёт себя как ребёнок, чтобы обратить на себя внимание. Стас мысленно дает и ей недельку, чтобы прийти в себя.

Через неделю ему звонят из автосервиса, чтобы он забрал красную ауди.

18. Костя

Самый большой объём работы выпадает на конец месяца. Костя зашивается в офисе: обед ему готовит жена, на улицу он выходит только ближе к ночи. Звонки, переговоры, отчёты по его фирме: в голове только наименования и цифры.

Когда папа в детстве спрашивал, кем он хочет стать, Костя каждый месяц предлагал всё новые варианты, начиная от футболиста, заканчивая просто хорошим человеком. Костя считает, что он стал кем-то посередине. Под его ответственностью проведение всех футбольных матчей в городе: начиная от школьников, заканчивая профессионалами. Вся бухгалтерия и расходы на рекламу проходят через него. Суды – частая практика в спорте, Костя – юрист по спортивным делам города, он знает о футболе всё. Спортивные директоры просят совета и помощи, пресса и журналы идут за свежим материалом в колонку «Спорт».

Костя знает всех футболистов по именам, включая скамейку запасных. Он знает, какая команда хочет перекупить нападающего и что предложить, чтобы нападающий даже думать забыл про команду соперников. Не взятки, а моральная компенсация. Не моральное давление, а голос разума. Не столь важно, что ты делаешь, важнее, как ты это называешь. Косте чуждо подобное мнение, но работа – есть работа.

В детстве папа покупал жвачки с наклейками, а Костя клеивал ими весь свой шкаф. Он залазил внутрь деревянного убежища, включал фонарик и принимался за дело. Когда все новые наклейки были на местах, Костя представлял, что он разводчик собак или капитан всех-всех кораблей. Машины его почти не интересовали, но как назло, чаще всего попадались именно они.

Нижний ряд занимали футболисты: они единственные были наклеены в один ряд, ближе к полу. Костя был уверен, что будь у него своя футбольная команда, он был бы по-настоящему счастлив. Ему хотелось сто, нет, тысячу футболистов! Костя закрывал глаза и мысленно управлял своими командами: говорил, кто с кем будет играть, кто забьёт гол, а кому нужно дать красную карточку.

Во взрослой жизни всё получилось немного иначе.

В конце недели сил всё меньше, а работы не убавляется: на столе лежит дело из суда. Если в двух словах, то парень из соседнего города требует компенсацию за сломанную ногу, хотя сам не футболист и повреждение получил, хоть и вовремя матча, но стоя на трибуне! Костя убирает дело на полку – подождёт понедельника. Как же ему хочется самому залезть на полку в свой детский шкаф и пролежать там до лучших дней! Перебирать бумаги – неблагодарное занятие, только пыль поднимать, а пользы – ноль.

На одной из визиток наклеен липкий стикер: «Позвонить доктору Куцу по поводу пищевых добавок». Костя помнит, как в его кабинет ввалились сразу несколько тренеров и начали рассказывать про новое чудо-средство, оно позволит выиграть любые соревнования. Тренеры перебивали друг друга и наперебой просили оформить заявку на крупную партию, так как добавки только вышли на рынок и вроде бы прошли первые испытания, но оптом не продаются. Костя закрыл глаза, набрал побольше воздуха и представил, как он лично выдаёт каждому тренеру по красной карточке и больше не видит их до конца следующего месяца.

Он молча взял визитку этого Куца, попросил выйти из кабинета весь шумный сброд и только после этого выдохнул. «Ну и фамилия – Куц! Поди очередная финансовая пирамида», – думал Костя и находил всё новые причины, чтобы отложить звонок.

Костя – скептик и мало доверяет добавкам. Комплексы витаминов и корзины с фруктами он частенько сам привозит на соревнования и оставляет в раздевалках, но добавки...

Этому вопросу стоит посвятить больше времени: проверить на сайте запрещённых веществ, почитать отзывы, связаться со спортсменами, уже употребивших их в пищу. Но вре-

мени сейчас позарез не хватает. Визитку он убирает в нижний ящик к несрочным делам. Всё-таки победа – это результат многочасовых тренировок, а не каких-то там порошков.

Костя даже не подозревает, как сильно он прав.

В пятницу он выходит практически без сил, но нужно ехать к отцу – и так слишком долго не был. То одно, то второе. Возле Досугового центра Костя даёт себе целых две минуты, чтобы закрыть глаза, посидеть в тишине и прийти в себя.

Доктор Рим спрашивает, почему их с сестрой не было целую неделю. Он спрашивает, не нужна ли им помощь, если что-то случилось. Костя смотрит в глаза доктору Риму и не видит своего отражения, они чёрные-чёрные, но ничего не выражают.

Если что-то случится, Линда позвонит. Позвонит, но точно не ему. Он набирает телефон сестры несколько раз – автоответчик. Могла ли она сменить номер?

– Может она в больнице? Позвоните, там по базе последних несчастных случаев пробьют. Так, на всякий случай. – Доктор Рим, не прощаясь, уходит в свой кабинет.

Костя трясущимися пальцами набирает телефон ближайшей больницы. Больше всего на свете ему хочется оказаться в своём шкафу с наклейками и представлять, как он станет кем угодно, только не взрослым.

19. Денис

В спичечном коробке около пятидесяти иголок. Иголки с узкими, длинными ушками. Я не могу их все сосчитать, просто читаю информацию на внешней стороне упаковки. Буквы плывут перед глазами и насакаивают друг на друга. Я высыпаю на руку несколько штук, засовываю в рот и жую.

Иголки на вкус как холодный металл, как все эти причудливые штуковины в стоматологических клиниках. Когда рот сводит, и появляется привкус крови, высыпаю все оставшиеся в коробке иголки на руку, все отправляю в рот. При этом несколько роняю на пол, не планирую их поднимать.

Мне нужно пережевать весь этот огромный кусок раздробленного металла. Иголки втыкаются во внутреннюю сторону щёк, цепляются за язык, мне нельзя останавливаться. Куча маленьких ёжиков затеяли вечеринку в моём рту. Чем быстрее я закончу, тем быстрее избавлюсь от боли. Вкус железа – сплошная кровь и ушки, эти узкие, длинные ушки.

– Пап, проснись. – Слышу беспокойный детский голос.

– Так не получится. – Ещё один, более взрослый.

Прихожу в себя, когда со стороны более взрослого голоса прилетает несколько пощёчин со словами:

– Не переживай, так в кино делают.

Тут же чувствую, что на меня выливается целая бутылка ледяной воды.

– Всё в порядке, – стараюсь сделать голос твёрдым, получается не очень хорошо. Примерно также нехорошо, как если бы я вышел из комы и попытался сразу же встать с кровати.

Мне одновременно жарко внутри и холодно снаружи, с волос стекает речная вода. Пахнет тиной и... сосисками? Пытаюсь встать на ноги, но даже не могу пошевелиться.

– Пап, тебе снилась еда? – Костя выглядит растерянным.

Он ещё не знает, что в нашем случае скорую не вызовешь. Со связью в лесу проблемы, а вертолёт человеку, упавшему в обморок, вызывать не станут. И если произошло то, что произошло, необходимо садиться в машину и везти человека в город, даже если у тебя нет водительского удостоверения.

– Мне снились иголки. – От осознания того, что полсотни иголок в моём рту – это всего лишь сон, становится легче. Челюсть, впрочем, болит так, будто они были реальны.

Я сплёвываю, чтобы избавиться от привкуса крови, и не могу поверить, что кошмар кончился. Или только начинается?

– Пап, у тебя кровь, – Костя озвучивает происходящее, как комментатор моей безысходности, пока слюни вперемешку с кровью растекаются по зелёным травинкам.

Вокруг снова становится темно, деревья бегают по поляне, будто им приделали ноги. Лучше закрыть глаза. Наверное, я слишком сжал зубы, пока был в отключке, от таких-то снов! Сбоку несётся огромный поток воды – ощущение, будто Енисей вот-вот выйдет из берегов...

Линда приносит мокрую тряпку и кладёт на мой лоб. И где она этого насмотрелась? Резкая боль превращается в волны и расходится по всему телу, становится немного легче. Деревья остановились. В моих ногах синяя куртка: Линда заметила, как ноги дрожат и укутала их своей любимой вещью. Я улыбаюсь от осознания, что у меня лучшие дети в мире.

Енисей не вышел из берегов, а Костя дожаривает сосиски, так как Линда сказала не беспокоиться и заняться полезным делом. Она, скорее всего, ещё много чего сказала, а он безоговорочно ей поверил. Умница дочка.

– Думаю, нужно поесть и возвращаться домой. По пути заедем в больницу. – Линда выглядит уставшей, но довольной собой. Она знает свои сильные стороны и что ориентироваться в сложных ситуациях – её сильная сторона тоже знает.

– Не надо в больницу, я в порядке.

После мгновенно съеденных сосисок, мы подходим к машине, и Линда предлагает поменяться местами: я буду в роли пассажира, она в роли водителя. Её аргументы весомее, чем мои: у неё деревья не бегают как ошалелые, она внезапно не отключается и она, самое главное, не плюётся кровью.

Когда я узнаю от Линды, что мама на выходных учит её водить машину, мне становится стыдно. Ведь это я обещал Нине подготовить дочь к экзаменам по вождению: научить парковаться и кричать из окна на всяких идиотов с купленными правами. А самое странное, что Нина даже словом об этих занятиях не обмолвилась, просто сделала всё сама.

Я постоянно думал, что у меня ещё вагон и маленькая тележка времени, чтобы собраться с мыслями и предложить Линде вместе доехать до магазина. По факту у меня была просто тележка времени, а я этой тележкой не смог воспользоваться.

Разрешаю Линде сесть за руль, хотя после еды мне становится значительно лучше. Кровь перестаёт примешиваться к слюне, оставив лёгкое железное послевкусие. Ещё долго не смогу спокойно смотреть на иголки.

Линда ведёт машину аккуратно, прибавляя газ только на свободных участках трассы. Мне за всю дорогу даже не представляется шанса ей подсказать. К моему удивлению, она идеально паркуется возле дома между двумя другими машинами и, самое удивительное: ни разу не спрашивает про сумки в лесу. Надо будет поблагодарить Нину – из неё вышел отличный учитель. Или лучше не касаться этой темы, чтобы не складывалось впечатление, что она одна занимается с Линдой?

Мы никогда не обсуждаем этот момент, но в воздухе всегда витает: «Сын – твой, дочь – моя», а я действительно практически не принимаю в обучении Линды никакого участия.

Плохие мысли уходят, когда я вижу, как Костя в обнимку со своим монстром сладко спит на заднем сидении после нашего небольшого приключения. Мне приходится его разбудить. Раньше я просто поднимал его на руках, и относил в комнату, но сегодня лучше не рисковать.

– Пап, ты забыл закрыть дверь! – Линда с укором поворачивается на крыльце и ждёт моих объяснений. И кто всё-таки из нас родитель?

– Наверное, мама пришла домой пораньше, не будем ей рассказывать о нашей прогулке.

Захожу домой, но, кроме спёртого воздуха и грязных следов от лап Рима – ничего. Открываю окна на проветривание, чтобы свежий воздух унёс накопившую тревогу.

– Рим! Ко мне, мальчик! – Искусственно делаю доброжелательный тон.

На полном серьёзе готовлюсь читать лекцию собаке. Хотя лекцию следует прочитать самому себе – ведь это я забыл его дома, и бедный пёс захотел в туалет. Тут же смягчаюсь.

Рим выходит из спальни Линды, подволакивая заднюю лапу. Может, отлежал? Когда он подходит ближе, понимаю, что лапа вывернута. Рим поскуливает, подтверждая мои опасения. Нужно срочно ехать в ветеринарную клинику. На всякий случай обхожу комнаты: недоброе предчувствие не покидает ни на минуту.

– Я сейчас съезжу с Римом в клинику, он повредил лапу. – Поднимаю собаку и несу в машину.

– Пап, почему он такой грязный? – Костя, едва разлепив глаза, смотрит на всю эту картину и ничего не может понять спросонья.

– Потому что он в прошлой жизни был поросёнком. Помогите Линде помыть полы до прихода мамы! – Стараюсь не замечать, как дочь закатывает глаза.

– Я поеду с тобой: ещё вырубись где-нибудь. Костя сам справится, – отзывается Линда командным тоном.

Понимаю, что с Линдой спорить нет смысла. Костя стоит возле машины и не понимает, как так получилось, что только что он спал, а на него уже свалилось мытьё полов.

– Я тоже с вами! – Сын прыгает на заднее сидение, и усаживает рядом монстра. Справедливо. – Мы готовы!

Костя обнимает скулящего Рима за шею, зарываясь в его густую шерсть, и я понимаю, что мыть мне придётся теперь не только полы и собаку.

20. Линда

Линде никогда не снились кошмары. Когда Костя в детстве рассказывал, что ему приснился страшный сон – Линда не верила. Ей казалось, что дети таким образом привлекают внимание родителей. Она всегда говорила, что с его фантазией только книжки писать. Как вообще сон может быть страшным, если это не по-настоящему? Он не может сломать тебе шею или убить родственников. Сон никогда не станет реальностью.

Линда считает, что любую проблему можно решить, и, если во сне ты это понимаешь, тебе не страшно. Кошмары – для слабохарактерных людей.

Линда открывает глаза и понимает, что вот он её кошмар – вокруг, в этой самой палате. И эту проблему она не может решить. Ужас спит под её подушкой и – как только она пытается встать, – хватается её и прижимает обратно к кровати.

Доктор каждое утро повторяет свою дежурную фразу: «Скоро начнём занятия», но сегодня он добавляет: «Будь готова после обеда, тебя заберут».

Ужас под подушкой шевелится и шепчет, что она никогда не сможет ходить.

Когда в палату заходят два человека в форме, Линда не понимает, почему эти люди первые, кто решил её навестить. Когда они просят назвать имя и дату рождения, Линде хочется отвернуться и попросить их уйти. Когда они просят рассказать всё, что она помнит о моменте аварии, ей хочется уйти самой, но она не может.

– А что стало с той собакой? Я сбила её? – Линда понимает, что всё-таки задаёт вопрос вслух. Она несколько дней прокручивала этот момент в памяти.

– Не понимаю, о чём вы, – спокойно говорит один из людей в форме.

– Привиделось, наверное, – равнодушно отвечает второй и нервно смеётся.

Линда его уже практически ненавидит. Она опирается на руки, чтобы сесть на кровати ровнее: её привычка быть на высоте не даёт покоя.

– В этот вечер произошло несколько странных случаев. И мы предполагаем, что всё случилось примерно в одно время. – Первый делает серьёзный вид.

– Вы считаете, что я имею отношение к этим случаям? – удивляется Линда.

Она часто видела в кино, как полицейские обвиняют абсолютно невинных людей, чтобы закрыть висяки. Вроде так они называют долгоиграющие дела? Линда боится угодить в ловушку.

– Нет-нет, мы просто собираем информацию по каждому случаю, – второй пытается улыбнуться, но улыбка выходит кривой и неправдоподобной.

У первого звонит телефон и он выходит из палаты.

– Расскажите, что произошло? – Линда тянется здоровой рукой за бутылкой воды, но та всё равно стоит слишком далеко.

Второй помогает ей открыть воду и с минуту раздумывает, словно выбирая, что можно говорить, а что нет.

– Мы не имеем права разглашать информацию, но всё равно увидите по новостям. Вы назвали примерное время аварии, в это же время в психиатрические стационары поступило несколько десятков экстренных пациентов. Все они кричали, что их насильно удерживают в больнице. Им вкололи снотворное, некоторых пытались расспросить, прицепив к кровати ремнями. Это было похоже на массовый психоз или паническую атаку...

Первый заходит в палату, погружённый в телефон. Второй резко замолкает, Линда подносит бутылку воды к губам, чтобы тишина не казалась подозрительной.

– Нам надо ехать, я с вами ещё свяжусь, – говорит первый и трёт лоб, будто у него ничего не укладывается в голове.

Люди в форме покидают её палату так стремительно, словно их здесь никогда и не было. Линда не понимает, как она связана с сумасшедшими в клиниках. Второй явно не успел договорить. У неё тоже не укладывается происходящее в голове: мало ей беспомощности и одиночества, не хватало ещё странных полицейских с их странными вопросами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.